

Каменная табличка — получена!

Самое главное в ходе подготовки к зиме — запастись провизией. В отличие от Японии, в этом мире нет круглосуточных супермаркетов, разбросанных почти на каждом шагу. Зимой непогода зачастую намертво блокирует местный рынок, к тому же в это время остается не так много видов овощей, которые еще можно собрать. Так что, если мы не хотим умереть от голода, надо запастись провизией.

Именно по этой причине я сейчас сижу в потрепанной повозке посреди огромной кучи коробок. Я была бесцеремонно разбужена в абсолютной, кромешной темноте, задолго до того как начался рассвет.

— Итак, сегодня мы собираемся на ферму! Все готовы? — воодушевленно говорит отец.

Как по мне, для этого нет ни одной причины.

Я протерла свои глаза ото сна, гадая, что он имеет в виду. Я нахмурилась и посмотрела на него, но, в отличие от меня, и мама и Тори выглядели очень довольными. Я что, опять что-то не так сделала? Ладно, все, что я могу сделать на данный момент — просто следить за нитью их разговора. Может быть, хоть так я пойму, о чем они говорят.

— Мэйн, это не так плохо, как ты себе представляешь. Просто в прошлом году ты сильно болела, так что могла и не услышать, — сказала мама, скрестив свои руки на груди.

Отец и Тори согласно кивнули. Ну вот, я опять пропустила что-то важное. И это совершенно не весело. Я попыталась нахмуриться, но они не заметили мой демарш, так как активно перемещались по дому, заканчивая последние приготовления.

— В любом случае, Мэйн, удостоверься, что ты оделась достаточно тепло, прежде чем выйти на улицу, — сказала мама, перетаскивая очередную партию коробок, — ты сильно болела в прошлом году.

Нет ни единого шанса на то, что меня оставят одну на весь день, так что у меня не было выбора, кроме как послушно следовать за мамой, пока она спускалась вниз по ступенькам.

Зачем мы вообще едем на эту ферму?

Я рассчитывала пройтись на своих двоих, чтобы хоть немного увеличить свою выносливость. Однако отец, немного разочарованный тем, насколько я была медлительна, подхватил меня на руки и усадил в повозку. И вот я уже нахожусь среди разнообразных бочек, пустых бутылок, кусков ткани, веревок, сумок с солью, а также всякой разнообразной всячины, в которой мы, видимо, нуждаемся для того, чтобы отправиться в деревню.

Хм-м-м... Может ли быть так, что я в этой поездке самый бесполезный груз?

В повозке было так мало места, что мне пришлось съжаться как можно сильнее и сесть на пол. Отец, «запрягшись» в телегу, тащил ее за собой, в то время как Тори и мама толкали ее сзади. Мне становилось все более очевидно, что в этом путешествии я — самый настоящий балласт, и это меня сильно расстраивало.

— Мам, а почему мы едем в эту деревню?

— Ты же знаешь, что в городе не так уж и много мест, где мы можем вялить наше мясо. Именно по этой причине мы и едем туда.

— Копчение мяса? Ах да, точно, мы ведь и вправду купили довольно много в этом году.

Мы уже засолили и замариновали его, но неужели для дополнительной консервации необходимо что-то еще? Это вообще нормально? Мы действительно сможем его после этого есть?

С тех самых пор, когда мы купили его, я почему-то становилась все более и более тревожной. Мама несколько шокировано посмотрела на меня:

— Ты что? Сегодня же день забоя скота. Мы собираемся купить две свиньи, а затем вместе со всеми освежевать их, а потом разделить результаты совместной работы.

— А?

Я отказывалась верить в услышанное. Прошло несколько секунд, прежде чем до меня дошел смысл сказанного. По спине пробежался табун мурашек.

— Д-д-день забоя скота?

— День, когда мы, собираясь вместе с соседями, занимаемся разделкой свиней, вырезая из них все доступные куски мяса. Засаливаем, коптим и делаем всякие вкусности вроде бекона, свиных сосисок и тушеного мяса. Ох, да, точно... Мэйн, ты же ведь осталась в повозке в прошлом году: тебя тогда неслабо лихорадило.

Звучит странно, но я бы не отказалась сейчас полихорадить. По крайней мере, так я смогу хотя бы защитить свои глаза от того, что будет там происходить.

— Мам, а разве мы не купили целую кучу совсем недавно...?

— Этого количества нам явно не хватит на целую зиму. Мы и купили их, чтобы дополнить то, что мы получим сегодня.

Я думала, что у нас тонны этого мяса, но, кажется, забыла принять во внимание, что это все запасы. И если даже этого не хватает, то я просто не могу представить, сколько нужно для того, чтобы основательно подготовиться к зиме.

Осознав, что я никак не смогу избежать посещения этой бойни, я ощутила целую волну грусти и страха. В отличие от меня, на лице Тори, без усталости подталкивающей повозку, сияла самая счастливая улыбка, которую я когда-либо видела.

— Это будет так весело! Сразу после того, как мы закончим помогать, мы поедем свежих сосисок! Это первый раз, когда ты будешь помогать нам, но поверь — как только ты проникнешься общей атмосферой, это станет напоминать тебе мини-фестиваль! Я так рада, что ты помогаешь нам в этом году!

— Нам?

Мама взглянула на меня, словно не понимая, почему я задаю такой очевидный вопрос:

— Так ведь наши соседи тоже будут принимать участие во всем этом. Это дело довольно сложное, так что понадобится человек десять минимум.

Ого, даже соседи, ничего себе...

На самом деле, память Мэйн была местами очень нечеткая, так что вполне может быть, что люди будут здороваться со мной, в то время как я вообще не буду иметь понятия, с кем на данный момент разговариваю. Помимо этой весьма немаловажной проблемы, прибавилась еще одна в виде свежевания ни в чем не повинной свиньи. Даже когда я просто вспоминаю эти кровавые «расправы», увиденные мной недавно на торговой площади, мне тут же становится плохо.

— ...Я не хочу идти.

— И слышать не желаю, — отвечает мама, — если не собираешься помогать, значит, ничего и не получишь, даже во время зимы.

Такое ощущение, что мои жалобы даже слушать не будут, все-таки у нас наблюдается некоторый недостаток в запасах еды. Если мы этого не сделаем, то зимой мы будем голодать, так что в любом случае меня к этому привлекут.

Пока наша повозка добиралась до южных ворот, мое настроение становилось все мрачнее и мрачнее.

— Доброе утро, — произнес солдат, один из подчиненных моего отца, — сэр, вы, наверное, опаздываете? Остальные уже давно вышли.

— Да, я знаю...

Судя по всему, все остальные отбыли уже давным-давно.

— Хорошего дня, сэр.

Молодой стражник улыбнулся и помахал мне на прощание. Я ответила ему тем же. Быть вежливой — одно из важнейших правил общества.

Это первый раз, когда я оказываюсь за воротами с тех пор, как я стала Мэйн. Поэтому, когда наша повозка прошла сквозь небольшую арку, я испустила удивленный вздох. Честно говоря, я не могла бы даже предположить, насколько окружение внутри и снаружи города будут отличаться.

— Ого...

Во-первых, здесь не было домов. Улицы в городе были такими многолюдными и узкими, но здесь широкая дорога уходила далеко за горизонт. Вдалеке я смогла увидеть деревеньку, домов десять-пятнадцать. Они были настолько маленькие, что смахивали скорее на точки.

Воздух же здесь просто волшебный. Как только мы покинули город, духота и пыль рассеялась, остался только свежий, незагрязненный воздух. Стены больше не стесняли меня.

Все вокруг было усеяно зеленью, начиная с лугов, раскинувшихся по обе стороны дороги, и заканчивая массивом высоких-высоких деревьев вдалеке. Все вокруг было таким умиротворенным.

— Мэйн, будь осторожна. Смотри не прикуси язык.

— А?

Вслед за предупреждением повозка чувствительно накренилась набок и начала попрыгивать и трястись еще хуже, чем до этого. Мощеная дорога осталась позади, уступая место непроходимой вязкой грязи. Багаж опасно задребезжал, норовясь выпасть, но веревки надежно удерживали его на месте. Я же не имела такого «ремня безопасности».

В солнечный день тебе приходится топтать по пыльной глине. А во время дождя приходится продирааться сквозь жидкую, противную грязь. Кто-нибудь, асфальта сюда, срочно!

Неспособные вырваться из-за плотно сжатых зубов, мои возражения при мне же и остались, болтаясь внутри головы. Я изо всех сил вцепилась в бортик, стараясь просто-напросто не вывалиться.

— Мы почти приехали. Потерпи, Мэйн, осталось совсем чуть-чуть.

Спустя пятнадцать минут после того, как мы выехали за ворота города, повозка уже оказалась у въезда в деревню, наполненную снующей туда-сюда толпой народа. Все здесь буквально кипело.

Свежевание свиней — мужская работа. В частности, удерживать толпой стокилограммовую машину, связывать ее. Женщины же разжигали коптильные костры, подготавливали воду, кипятили ее, убеждались в том, что соль и другие необходимые для готовки инструменты готовы, а также выполняли целую кучу других подготовительных поручений.

Похоже, что мы опоздали: работа уже кипела вовсю. А если ты не помогаешь, то ничего и не получишь.

— О, нет! Они уже начали!

— Плохо это. Тори, поспешим!

— Ага!

Вытащив из повозки большую плетеную корзину, они достали оттуда фартуки, сделанные из тяжелой грубой ткани. К тому же, судя по всему, они были покрыты воском. Мама и Тори поспешили в сторону остальных женщин, к тому времени уже вовсю занимавшихся приготовлениями. А отец, надежно затянув свой передник и подхватив гарпун, унесся в сторону другой группы.

Ого... вот это скорость...

Я даже не успела глазом моргнуть, как моя семья буквально испарилась. Возможно, я могла бы еще угнаться за Тори и мамой, но я вообще не понимаю, чем я там, в такой огромной толпе, буду заниматься. Именно потому я несколько настороженна по поводу этой идеи. Это мероприятие начинается очень рано, но все, как будто являясь шестеренками часового механизма, точно знают, что надо делать, как будто знали это всегда. В отличии от меня... Кто-нибудь, пожалуйста, выдайте мне справочное пособие!

Вместо того, чтобы попытаться кому-то помочь, я лучше останусь здесь и подожду, пока меня кто-нибудь не позовет. Я уселась на оставленные вещи и, уставившись в пространство, сделала важный вид, словно занималась чем-то очень значимым.

Однако место, где я сидела, просматривалось со всех сторон площади, даже из той точки, где проходило самое главное действие. Несмотря на приличное расстояние, я отчетливо слышала агонирующие визги одной из свиней и видела ее отчаянные попытки к бегству.

Один конец веревки был закреплен на колышке, прочно воткнутом в землю, а другой был обмотан вокруг ее задней правой ноги. Мужчины бегали за ней вокруг, безуспешно пытаясь повалить ее на землю. Я на мгновение заметила знакомую копну розоватых волос. Несомненно, Ральф с Лютцем тоже здесь.

— А вот и я! — крикнул отец, врываясь на поле боя с гарпуном наготове. Вскинув его на плечо, он, с боевым кличем резко выбросил руку вперед, буквально пригвоздив жертву к земле. Такого удара с лихвой хватило, чтобы свинья, подергавшись несколько секунд в конвульсиях, со вздохом осела на землю.

Вместе с воплем ужаса у меня, казалось, отлилась вся кровь от лица. В то же время папа, окруженный со всех сторон мужчинами всех возрастов, буквально купался в похвалах и аплодисментах. В это же время подросла мама, несшая в руках некое подобие жестяного ведра. За ней шла другая женщина, несшая в руках огромную чашу.

Я понятия не имею, что они собираются делать, так что я наклонилась, чтобы рассмотреть получше. В следующее мгновение кровь фонтаном брызнула из раны, многие люди оказались буквально с ног до головы покрыты ею. Когда приготовления к сбору крови были завершены, мой отец выдернул копье. Я рефлексивно зажала рот рукой и упала обратно в повозку.

Туша свиньи скрывается из виду за юбкой женщины с чашей, но я вижу, как она собирает огромные количества крови в миску, заполняемую при помощи маминого ведра. Ее движения настолько точны, что кажется, она делает это каждый день. Мама, наоборот, сильно хмурится от веса ведер.

...Никогда бы не подумала, что моя мама может быть настолько страшной.

После свиньи была оттащена к специально подготовленному дереву и подвешена к крепкой ветке вниз головой. Вся кровь, которая еще не полностью вытекла из тела, начала капать вниз.

Теперь, видимо, настало время начала для реальной разделки туши. Мужчина, орудуя толстым, тяжелым мясницким ножом, сделал несколько шагов вперед и вертикально разрезал свиной живот...

Это все, что я могу вспомнить. Когда я проснулась, то обнаружила, что я больше не в деревне, а в какой-то комнате из камня. Судя по всему, это не мой дом. Я моргнула глазами, чтобы очистить их, а потом вдруг вспомнила, ЧТО я видела перед тем, как потерять сознание. Я почувствовала себя ужасно.

Хотя это очень странно. Я не могу избавиться от ощущения, что я уже видела что-то подобное.

Но что бы это могло быть? Я чувствую, как ответ вертится на языке, но я не могу понять, что именно. Я не думаю, что это одно из воспоминаний Мэйн, скорее всего, что это одно из моих. Мне кажется, я видела нечто подобное в Японии...

О, точно! Когда я была на рыбном рынке недалеко от гавани в Ибараки, я видела как огромного тунца, подвешенного за хвост, нарезали на куски. Так вот что мне это напомнило!

Теперь, когда я подумала об этом, я отметила некоторое сходство между забоем свиньи и чисткой живой рыбы. Есть некоторые вещи, которые на самом деле могут быть съедены только когда они действительно свежие, и теперь я понимаю, что, казалось бы, веселого они нашли в этом.

Я могу принять это в качестве теории, но я вовсе не считаю, что это весело. Во-первых, тунец не кричит от боли, когда ты его убиваешь, да и кровь не течет из него настолько сильно. Фу, я действительно чувствую себя нехорошо...

Я закрыла рот и перевернулась... с неожиданным для меня результатом — падением на пол.

— Охх...

Я оперлась об пол руками и приподнялась, чтобы получить лучшее представление о своем окружении. Кажется, я лежала на небольшой деревянной скамейке. Она находилась недалеко от камина, так что я вообще не чувствовала холода. Однако я не видела и не слышала рядом никого.

...Так, где я?

И когда я попыталась выяснить, где именно, какой-то солдат заглянул в комнату, скорее всего привлеченный стуком моего падения.

— О! Ты проснулась.

— Господин Отто?

Я вздохнула с облегчением, увидев знакомое лицо. Если Отто здесь, в этом каменном здании, то это должны быть либо те самые комнаты ожидания, либо комната дежурки у городских ворот. Так как теперь я знаю, где нахожусь, мое беспокойство начинает рассеиваться.

— Ах, ты меня помнишь? — сказал он с явным облегчением на лице. Поскольку я выгляжу как маленькая девочка, я уверена, он боялся, что я начала бы плакать, если бы проснулась и увидела его — тогда бы он просто не знал, что делать.

— Конечно же я не забыла вас!

Этот человек, в конце концов, является одним из немногих культурных людей в этом мире, а также человеком, который будет (надеюсь) учить меня читать и писать.

Я попыталась симитировать их воинское приветствие, коснувшись моей груди кулаком. Отто криво улыбнулся, взъерошил в ответ мои волосы, и объяснил мою нынешнюю ситуацию.

— Капитан привез тебя сюда некоторое время назад, выглядя при этом крайне сконфуженным. Видимо, ты упала в обморок прямо в повозке. Он сказал, что придет, чтобы забрать тебя, как только он доделает дела в деревне.

Я не знаю, как долго займет разделка свиньи, но, по моей скромной оценке, навряд ли мало, особенно учитывая, какая она была огромная.

...Теперь, когда я задумалась над этим, я вспомнила, что Тори, кажется, упоминала, что у нас будет ужин из свежего мяса, не так ли?

Мне кажется, я смогла бы сидеть здесь в течение долгого времени. Ах, если бы мне привезли высушенные стебли для изготовления моего псевдопапируса! К сожалению, их у меня сейчас нет.

— Что случилось, Мэйн? Тебе одиноко оттого, что твои мама с папой не здесь?

— ...Нет, мне просто интересно, что же я должна делать, пока жду?

Я случайно проговорила о своих истинных мотивах. Отто посмотрел на меня немного, потом пробормотал что-то о том, что я выгляжу на пару лет младше, чем я могла бы быть на самом деле.

— У меня есть только вот это, Мэйн. Как насчет того, чтобы убить время с этим?

— Эй! Это же та самая каменная табличка!

Отто протянул мне ее. Он наверняка знал, что я буду около ворот сегодня, так что он принес ее с собой, чтобы отдать мне. Образованный, тактичный, добрый, он просто удивительный человек!

— К сожалению, я вынужден покинуть тебя. Сегодня я стою на страже в воротах, — сказал он, написав имя Мэйн в верхней части таблички, — как насчет того, чтобы для начала потренироваться в этом?

Он протянул мне грифель и тряпочку, а затем вышел из комнаты. Я смотрю на него с огромной волной уважения и блестящей улыбкой на лице, как можно сильнее прижимая табличку к груди. Как только он закрыл за собой дверь, я уставилась на мой приобретенный инвентарь.

Табличка в моей руке была похожа на своего рода мини-доску, размером примерно с лист бумаги формата А4. Это была тонкая плитка из темного камня, окруженная простой деревянной рамкой. Писать можно было на обеих сторонах, а на одной из них тонкими линиями были прочерчены прямые полосы, скорее всего, чтобы практиковать написание.

Теперь изучим, собственно, то, чем я собираюсь писать. Это жесткий, прохладный на ощупь камень, но мои глаза представляют длинный, стройный кусок мела. Также у меня в руках немного грязная тряпка, и кажется, я буду использовать ее вместо ластика.

Буквы, написанные Отто в верхней части таблички стали немного нечеткими после того, как я провела случайно задела ее своей рубахой.

Господи, я так нервничаю, что у меня сердце колотится!

Я положила табличку на стол и взяла мел. Как только я вложила его в пальцы словно карандаш, биение сердца начало отдавать в ушах еще сильнее.

Во-первых, я пытаюсь скопировать совершенно незнакомые буквы, которые Отто написал для меня. Психическое напряжение слишком сильно выражается в кривоватости и искаженности написания. Если бы это произошло в Японии, учитель тут же отругал бы меня и заставил бы все переделать с самого начала. Однако, время от времени останавливаясь, чтобы стереть написанное с доски, я слишком счастлива, чтобы думать об этом.

Я заставила себя сделать глубокий, медленный вдох, а затем использовала ткань, чтобы мягко вытереть левую сторону доски. Я тщательно выписала еще одну линию, и на этот раз гораздо лучше, чем раньше.

Я пишу свое имя, стираю, потом снова пишу, затем снова стираю... когда я устаю, я переключаюсь на писание хокку, которые я всё ещё помню, затем стираю, потом снова пишу, затем снова стираю...

Аааа, это чистое блаженство. Чтение и письмо — это так хорошо...

Несмотря на то, что в комнате горел огонь, холодный сквозняк все-таки каким-то образом смог прокрасться внутрь. Прошло несколько часов, прежде чем родители вернулись обратно и забрали меня, игравшую с табличкой все это время. Мое слабое здоровье снова подвело меня: кажется, моя лихорадка постепенно возвращается назад.

— Твоя температура не спадает, так что оставайся в постели. Не вставать!

—...Хорошо.

Мои родители непрерывно курсировали по маршруту «туда-обратно», занося целые кучи овощей и складывая их в комнаты для подготовки к зиме. На кухне из фруктов, которые Тори собрала в лесу, варится варенье. Впервые с момента прихода в этот мир, я почувствовала запах сладостей, и это делает меня еще счастливее.

В самый разгар приготовлений пришла Тори, неся с собой плошку супа. Я отложила мою табличку в сторону и взяла поднос из ее рук.

— Прости, Тори. Просто это так интересно...

— Я же говорила тебе!

— Тори, Тори, можешь не рассказывать маме с папой об этом?

— Не знаю, не знаю...

То есть, она не делает обещаний. В любом случае, каких обещаний я жду?

В то время как семья завершает подготовку к предстоящей зиме, я валяюсь в постели, строча на доске, что Отто дал мне. Я практикую написание своего имени.

Я действительно хочу научиться писать. Если я настолько счастлива просто от того, что могу написать что-либо, то я буду еще счастливее, если я смогу прочитать книгу!

Но пока мне нужно отработать то, что я могу на данный момент.

<http://tl.rulate.ru/book/6509/125130>